

«ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В 1923 году: ИСТОРИЯ ЗАБЫТОГО КРИЗИСА

Фомин Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (Москва, Россия).

E-mail: almif@list.ru

Researcher ID: AAK-2004-2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Грант № 20-59-18007.

Аннотация. Статья посвящена ранее практически не изученному эпизоду в истории международных отношений, связанному с временным прекращением работы Лозаннской конференции по Ближнему Востоку в феврале 1923 г., что грозило возобновлением состояния войны между Турцией и державами Антанты. Этот кризис, происходивший одновременно с франко-бельгийской оккупацией Рура, оказал значительное влияние на конечный результат мирного урегулирования на Ближнем Востоке, закрепленный в Лозаннском договоре. В работе ставится задача определить место и роль этого кризиса в процессе становления новой системы международных отношений после Первой мировой войны и его взаимосвязь с другими важнейшими событиями и процессами этого периода. Автор последовательно анализирует два этапа этого кризиса, первый из которых был связан с требованием Турции вывести корабли союзных держав из ее портов, а второй — с резким обострением обстановки на турецко-сирийской границе. Кризис показал неспособность Франции «в одиночку» отстаивать свои интересы на Ближнем Востоке и ее невольную зависимость от политики Великобритании. Таким образом, его роль в развитии международных отношений на Ближнем Востоке была аналогична той, которую сыграл Рурский кризис в Европе. Статья написана на основе британских, французских и итальянских дипломатических документов.

Ключевые слова: международные отношения, Ближний Восток, Антанта, Турция, Сирия, Лозаннская конференция 1922–1923 гг., Рурский кризис 1922–1923 гг., Лозаннский договор 1923 г.

A.M. Fomin

The “War Alert” in the Middle East in 1923: The Story of a Forgotten Crisis

Alexander Fomin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: almif@list.ru

Researcher ID: AAK-2004-2020

The study was supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow State University “Preservation of the World Cultural Heritage”.

Abstract. This article focuses on a previously unexplored episode in the history of international relations, related to the temporary suspension of the Lausanne Conference on the Middle East in February 1923,

which threatened to revive a state of war between Turkey and the Entente powers. This crisis, which unfolded at the same time as the Franco-Belgian occupation of the Ruhr, had a significant impact on the final outcome of the peace settlement in the Middle East enshrined in the Lausanne Treaty. The aim of the article is to determine the place and role of this crisis in the process of establishing a new system of international relations after the Great War and its interconnection with other major events and processes of this period. The author consecutively analyses two phases of this crisis, the first relating to the Turkish demand for the withdrawal of the ships of the Allied Powers from its ports, and the second to the sharp aggravation of the situation on the Turkish-Syrian border. The crisis demonstrated the inability of France to defend its interests in the Middle East "single-handedly" and its forced dependence on British policy. Thus, its role in the development of international relations in the Middle East was similar to that played by the Ruhr Crisis in Europe. The paper draws on numerous sources, primarily British, French, and Italian diplomatic documents.

Keywords: international relations, Middle East, Entente, Turkey, Syria, Lausanne Conference of 1922–1923, Ruhr Crisis of 1922–1923, Lausanne Treaty of 1923.

Становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений после Первой мировой войны было длительным процессом, проходившим весьма неравномерно в разных регионах мира. Парижская конференция 1919 г. была лишь его началом. Характерной его чертой была острая конфликтность взаимодействия заинтересованных сторон. Можно сказать, что осенью 1918 г. на смену мировой войне пришел не долгожданный мир, а затяжной «мировой кризис»¹. Определение новых границ нередко происходило в ходе силовых акций и «малых войн», насильственным путем решавших запутанные вопросы, где дипломатия была бессильна. Верхняя Силезия, Адриатика (Фиуме), Трансильвания, Тешинская Силезия — вот далеко не полный перечень территориальных споров, в решении которых основную роль сыграл силовой фактор. В отношениях стран Антанты с главным побежденным противником — Германией — практика угроз и шантажа (особенно со стороны Франции) стала важнейшим инструментом. В наибольшей степени это относится к Рурскому кризису 1923–1924 гг., чье значение для становления Версальского порядка трудно переоценить.

На Ближнем Востоке формирование нового миропорядка было, пожалуй, самым длительным и кровавополитным. Регион оказался ареной многочисленных конфликтов и кризисов, самым острым и продолжительным из них была греко-турецкая война 1919–1922 гг. Ее драматическое завершение вызвало Чанакский кризис сентября–октября 1922 г., который, однако, был не последним. Открывшаяся после него Лозаннская конференция была в начале февраля 1923 г. прервана, после чего вновь создалась угроза возобновления войны, ликвидированная лишь с подписанием мира почти пять месяцев спустя.

Ближневосточный кризис 1923 г. оказался «в тени» таких важнейших событий, как Чанакский кризис, Рурский кризис и сама конференция в Лозанне. Насколько нам известно, его фактическое содержание еще практически не изучено: историки, в лучшем случае, лишь упоминают о нем². Детальный анализ ближневосточной «военной тревоги» 1923 г. позволит лучше понять закономерности формирования послевоенного миропорядка и на Ближнем Востоке, и в Европе, а также механизмы взаимодействия великих держав, прежде всего Великобритании и Франции.

Изучение кризиса 1923 г. требует хотя бы краткого изложения его предыстории³. Выход Турции из Первой мировой войны, оформленный Мудросским перемирием

¹ Именно так называется книга У. Черчилля, посвященная событиям этого времени. См.: *Черчилль У.* Мировой кризис. М., 2003.

² *Walder D.* The Chanak Affair. London, 1969; *Sonyel S.R.* Turkish Diplomacy, 1918–1923: Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. London; Beverly Hills (CA), 1975.

³ См. подробнее: *Шамсутдинов А.М.* Национально-освободительная борьба в Турции. 1918–1923 гг. М., 1966; *Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М., 2010.

от 30 октября 1918 г., создавал условия для реализации планов победителей по разделу Ближнего Востока, но на согласование своих интересов друг с другом у них ушло более полутора лет, а заключенный в августе 1920 г. Севрский договор не вступил в силу даже формально. Решающим фактором в послевоенных судьбах Ближнего Востока стало турецкое национальное движение во главе с генералом Гази Мустафой Кемаль-пашой (Ататюрком), которое безоговорочно отвергло Севрский договор и начало борьбу за его отмену. В 1920 г. М. Кемаль создал в Анкаре новый центр власти, альтернативный султанскому правительству в Константинополе⁴. Анкарское правительство вступило в бескомпромиссную борьбу с Грецией, которая добровольно взяла на себя задачу навязать Севрский договор Турции. С 1921 г. Великобритания и Франция, оставаясь союзниками по Антанте, фактически оказались в греко-турецком конфликте по разные стороны баррикад. Франция сделала ставку на кемалистов, увидев в них силу, способную создать устойчивый режим, который смог бы обеспечить гарантии французских капиталовложений в Турции и оградить эту страну от «большевистского влияния». Для Великобритании ключевое значение имело стратегическое положение Турции на стыке морей и континентов, и в первую очередь контроль над Черноморскими проливами. Осуществление своих планов Лондон увязывал с успехами греческого оружия.

Разгром Греции в конце августа — начале сентября 1922 г. коренным образом изменил соотношение сил на Ближнем Востоке. Чанаковский кризис сентября — октября 1922 года рельефно высветил глубокие различия в интересах Великобритании и Франции. Когда Великобритания оказалась в шаге от прямого военного столкновения с Турцией из-за Проливов, Франция (как, впрочем, и Италия) отказала ей в поддержке, что осложнило отношения двух держав. Итогом Чанаковского кризиса стала конвенция о перемирии, подписанная 11 октября 1922 г. в турецком городе Мудания (совр. Муданья). Она предполагала полный вывод с турецкой территории (из Восточной Фракии) греческих войск и передачу под контроль Анкары гражданской администрации в Константинополе при сохранении в самом городе и зоне Проливов английских, французских и итальянских войск вплоть до вступления в силу окончательного мирного договора. Для его выработки было решено созвать международную конференцию в Лозанне (Швейцария).

С этого момента урегулирование Восточного вопроса, казалось, было переведено в дипломатическую плоскость. Однако опасность возвращения конфликта к «силовому сценарию» по-прежнему сохранялась. Это отчетливо проявилось в ноябре 1922 г. во время предварительных консультаций между главой Форин Оффис лордом Д.Н. Кёрзоном и премьер-министром Франции Р. Пуанкаре. Кёрзон поинтересовался возможными действиями Парижа в случае нового обострения конфликта с Анкарой. Пуанкаре ответил предельно ясно — Франция не пошлет ни одного солдата на новую войну на Ближнем Востоке. Кроме того, если Кёрзону обстановка в зоне Проливов представлялась угрожающей (турки под видом жандармов переправляли на европейский берег солдат), то по сведениям Пуанкаре ситуация была совершенно спокойной. Иными словами, Франция хотела сохранить добрые отношения с Анкарой, в то время как Великобритания не исключала возможности открытого конфликта с ней⁵. Через несколько месяцев ситуация изменилась на прямо противоположную.

В первые недели конференции, открывшейся 20 ноября 1922 г., Англия и Франция демонстрировали редкое для них единство точек зрения, хотя французские делегаты старались не испортить отношений с турками, преподнося предложения Антанты как самые выгодные для Турции. В первую очередь это касалось Проливов. Проект будущей конвенции был выработан сравнительно быстро, причем Кёрзон сумел фактически отстранить от участия в ее подготовке советскую делегацию. Параллельно он вел безуспешные

⁴ В европейских языках Константинополь официально стал Стамбулом только в 1930 г.

⁵ См. подробнее: *Фомин А.М.* Указ. соч. С. 387—396.

двусторонние переговоры с турецким министром иностранных дел Исмет-пашой (Инёню)⁶ о принадлежности богатого нефтью Мосульского вилайета, включенного англичанами в состав Ирака. В английском правительстве не было единства по проблеме Мосула. Премьер-министр Э. Бонар Лоу, который лично вел с французами переговоры о германских репарациях⁷, был готов на любые уступки туркам, лишь бы не дать Франции играть на англо-турецких противоречиях. Перспектива срыва конференции из-за Мосула была очень непопулярна в обществе и прессе. 8 января 1923 г. Кёрзон получил от Бонар Лоу послание, где говорилось, что «есть два обстоятельства, которые представляются жизненно важными. Первое состоит в том, что мы не должны вступать в войну из-за Мосула; второе — в том, что, если французы не присоединятся к нам, а мы знаем, что так и случится, мы не будем бороться с турками одни за то, что осталось от Севрского договора». Премьер-министру вторила печать. «Дейли Экспресс» писала, что «Мосул не стоит костей одного английского солдата. Наши интересы в Мосуле несущественны»⁸. Французская печать не оставляла сомнений относительно позиции Парижа. Близкая к французскому МИД газета «Тан» писала: «Мы можем с гордостью думать, что Франция никогда не обещала участвовать в ссоре, вызванной притязаниями (т.е. притязаниями Англии на Мосул. — А. Ф.) другой державы»⁹. Кёрзон, однако, был категорически против отказа от Мосула и решил вынести этот вопрос на пленарное заседание конференции 23 января 1923 г. Оно не принесло результатов: «позиции сторон ясны и полярны, то есть несовместимы в принципе: турки требуют Мосул, англичане не хотят его отдавать»¹⁰.

Кёрзон понимал, что Англия не может рисковать войной из-за Мосула. Но он знал, что турки из-за него войну не начнут, так как Мосул находился в британских руках, и вынуждены будут уступить. Поэтому он решил спровоцировать срыв конференции, сняв тем самым ответственность с Лондона. Если Великобритания была кровно заинтересована в сохранении Мосула за Ираком, то у Франции имелись свои «красные линии», за которые она не желала отступать. Это касалось финансовых и экономических статей договора, а также режима капитуляций. Для такого государства-рантье, как Франция, вопрос о «купонах» и инвестициях имел огромное значение. Исмет-паша настаивал на полной отмене капитуляций, льготных условиях выплаты внешнего долга (не в золотой, а в бумажной валюте, как это делали со своими долгами сами страны Антанты). Турки также добивались, чтобы условия иностранных концессий были приведены в соответствие с принципом суверенитета страны. После нескольких недель дебатов ни Исмет-паша, ни глава французской делегации К. Баррер не изменили своих позиций, и к концу января 1923 г. конференция фактически зашла в тупик. К этому времени в результате провала Парижской конференции по репарациям (начало января 1923 г.) и ввода франко-бельгийских войск в Рур (12 января) само существование Антанты было поставлено под вопрос. В этой ситуации Кёрзон решил пойти ва-банк.

В январе 1923 г. по его указанию был разработан проект мирного договора, составленный таким образом, чтобы неизбежно вызвать франко-турецкий конфликт. Относительно Мосула он ограничивался положением о решении вопроса путем арбитража Лиги Наций, но финансовые, экономические и юридические положения формулировались на основе жестких французских требований. Как писал впоследствии британский эксперт Г. Никольсон, «когда дело дошло до закрепления на бумаге тех пунктов, что были согласованы, и тех, что еще были предметом споров, оказалось, что специфически британские

⁶ В скобках даются фамилии турецких политических деятелей, принятые ими после 1934 г., когда ношение фамилий в Турции стало обязательным.

⁷ История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 349–350.

⁸ *Nicolson H. Curzon: the Last Phase, 1919–1925. A Study in Post-War Diplomacy.* London, 1937. P. 331.

⁹ *Le Temps.* 7.I.1923.

¹⁰ *Лазарев М. С.* Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989. С. 263.

desiderata (те вопросы, которые обсуждались на конференции под председательством Кёрзона) почти все были согласованы, а финансовые, экономические и капитуляционные вопросы, в которых французы и итальянцы были заинтересованы больше нас, все еще были предметом острых противоречий. Наши союзники, таким образом, столкнулись с пугающим пониманием того, что, хотя они приехали в Лозанну, полагая, что Турция рассматривала Великобританию как врага, а Францию и Италию как друзей, именно этот враг достиг выполнения своих пожеланий, а друзья совершенно не сумели добиться каких-либо уступок от турок. Теперь стало понятно, что вопрос стоял не о том, что Франция и Италия могли бы бросить Великобританию, а о соблазне для Кёрзона оставить своих союзников. Остался только Мосул. Если бы британцы пришли к сепаратному соглашению с турками по этому вопросу, французы действительно оказались бы в опасной ситуации. Кёрзон хорошо знал, что они это понимают»¹¹. Таким образом, в случае отказа турок от подписания договора, ответственность за кризис автоматически ложилась на Францию.

Договор был вручен туркам 31 января и должен был быть подписан или отвергнут до 4 февраля. По этому поводу Кёрзон писал в Форин Оффис: «Представленный договор будет содержать по крайней мере 20 условий, затрагивающих Францию и Италию в равной, если не в большей, степени с нами, которые турки, насколько можно судить из их протестов, откажутся принять. Мосульский вопрос появится только в форме условия, согласно коему установление этой части турецкой границы будет передано Лиге Наций. Таким образом, я думаю сдержать мое обещание премьер-министру, что если мы и споткнемся, то не об этот камень в первую очередь и не одни. Что касается турок, то я считаю немедленное или скорое подписание практически невозможным. Но совершенно точно, что до следующей среды французы и итальянцы будут всячески убеждать их, чтобы предотвратить однозначный отказ». О возможном возобновлении военных действий Кёрзон думал, что «все указывает на то, что этого не произойдет, поскольку французы напрягут все силы, чтобы успокоить их (турок. — А.Ф.), зная, что франко-британский конфликт на Востоке будет означать исчезновение последних остатков нашего терпения в Рура». Стоявшая к западу от реки Марицы (по которой проходила греко-турецкая граница в Европе) греческая армия была еще одной гарантией против турок¹².

В Париже не сразу поняли интригу Кёрзона. Как и французские газеты, Пуанкаре был склонен видеть причину возникшей угрозы в британских амбициях в Мосуле. 3 февраля он писал генералу М. Вейгану, назначенному на пост верховного комиссара в Бейруте: «Французское правительство твердо решило не пренебрегать ничем, что могло бы облегчить заключение мира с Турцией, и я надеюсь, что он в конечном счете будет заключен. Однако если, несмотря на все наши усилия, между Англией и Турцией начнутся военные действия, мы должны будем сохранять в этом конфликте позицию, аналогичную той, которую британское правительство занимает по отношению к нам по вопросу Рура, а именно благожелательного нейтралитета. ...Если турецкие войска нарушат границу Сирии, нам придется противостоять этому. Но это ни в коем случае не означает, что мы позволим себя втянуть в войну с Турцией на стороне Англии»¹³. Кёрзон, однако, и не рассчитывал, что французы будут воевать за Мосул. Лишив французов и итальянцев свободы маневра, он попытался использовать их, чтобы заставить турок подписать договор на британских условиях. Они вынуждены были действовать по плану Кёрзона и до последнего момента старались убедить Исмет-пашу подписать договор, предлагая незначительные поправки. Исмет-паша, имевший четкие указания ни в чем не уступать в вопросах суверенитета Турции, подписать отказался. 4 февраля турки окончательно отвергли проект

¹¹ *Nicolson H.* Op. cit. P. 327.

¹² Curzon to Crowe, 24.01.1923 // Documents on British foreign policy, 1919–1939 (далее – DBFP). First series. Vol. XVIII. London, 1972. P. 469–470.

¹³ Poincaré à Weygand, 3.02.1923 // Documents diplomatiques français: 1923 (далее – DDF: 1923). T. I. 1er janvier – 30 juin. Paris, 1997. P. 174.

договора, и работа конференции была прервана. Кёрзон первым покинул Лозанну. Иسمет-паша отправился в обратный путь 5 февраля.

Прекращение работы конференции еще не означало возобновления войны. Перед отъездом из Лозанны турецкие представители заявили главе итальянской делегации Э.К. Гаррони, что конвенция, подписанная в Мудании, остается в силе¹⁴. Однако уже в первую неделю после этого возникла кризисная ситуация, грозившая непредсказуемыми последствиями.

В Анкаре срыв Лозаннской конференции вызвал бурную реакцию в прессе и в Национальном собрании. Оппозиция резко критиковала действия турецкой делегации в Лозанне, упрекая Иسمет-пашу в неоправданных уступках. Между тем, покинув Лозанну, турецкая делегация не торопилась возвращаться на родину. Иسمет-паша более чем на неделю задержался в Бухаресте, где вел переговоры с румынскими политиками и давал интервью местной прессе. Мустафа Кемаль в этот момент совершал поездку по стране и в силу этого отсутствовал в Анкаре. Таким образом, глава правительства Рауф-паша (Орбай), сочувствовавший оппозиции, получил некоторую свободу маневра. На него огромное давление оказывала «партия войны» во главе с генералом Карабекир-пашой и главой турецкого Генштаба Февзи-пашой (Чакмаком). По одной из версий, которую высказал бывший министр иностранных дел Бекир Сами-бей, дальнейшие события были вызваны тем, что прекращение конференции было воспринято некоторыми турецкими должностными лицами как полный разрыв¹⁵. Однако независимо от причин первая реакция турецких властей спровоцировала ситуацию, которую вполне уместно назвать «смирнским корабельным кризисом».

С момента заключения перемирия в 1918 г. в турецких портах находились военные корабли держав Антанты. Они рассматривались как важный рычаг давления на Турцию. В частности, довольно крупная флотилия стояла на рейде Смирны (Измира): французский бронированный крейсер «Эрнест Ренан» водоизмещением в 13,5 тыс. т, по одному британскому («Калипсо») и одному итальянскому легкому крейсеру, а также несколько миноносцев и канонерских лодок¹⁶. Правительства держав не планировали выводить корабли из турецких вод до вступления в силу мирного договора. Однако 5 февраля, на следующий день после отъезда турецкой делегации из Лозанны, адмиралы, командовавшие эскадрами в порту Смирны, получили предписание местного вали (губернатора) вывести в трехдневный срок из порта все корабли водоизмещением более 1 тыс. т. В противном случае турки угрожали «считать перемирие разорванным», т.е. считать себя снова в состоянии войны с державами¹⁷. Адмиралы ответили, что ничего не предпримут до получения распоряжений своего руководства. Реакция руководства была предсказуемо жесткой. На следующий день исполняющий обязанности британского верховного комиссара в Константинополе Н. Гендерсон по согласованию с адмиралтейством распорядился направить в Смирну дополнительный корабль — крейсер «Кюросао» (водоизмещением более 4 тыс. т). Французский верховный комиссар М. Пелле отдал такое же распоряжение, но в этом случае речь шла только о канонерской лодке, водоизмещение которой не превышало установленный лимит в 1 тыс. т. Гендерсон истолковал такой шаг французского коллеги как желание быть всегда «на безопасной стороне»¹⁸.

7 февраля британский, итальянский, французский и американский консулы в Смирне обратились к губернатору с протестом по поводу «необоснованных» турецких требований. В то же время французский верховный комиссар распорядился об эвакуации из Смирны

¹⁴ Garroni a Mussolini, 5.02.1922 // I documenti diplomatici italiani (далее — DDI). Ser. 7. 1922–1935. Vol. 1. 31 ottobre 1922 — 26 aprile 1923. Roma, 1953. P. 331–332.

¹⁵ Henderson to Curzon, 8.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 518–519.

¹⁶ Le Temps. 9.II.1923.

¹⁷ Poincaré aux ambassadeurs, 7.02.1923 // DDF: 1923. P. 137; *Sonyel S.R.* Op. cit. P. 210.

¹⁸ Henderson to Curzon, 6.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 509–510

всей французской колонии — около 2 тыс. человек. Его итальянский коллега такого распоряжения дать не мог, так как итальянская колония в Смирне насчитывала 12 тыс. человек¹⁹. Турецкая сторона на протест не ответила, оставив требование в силе. В тот же день командующие британской и французской эскадрами в Смирне получили приказ не покидать порт, а в случае атаки со стороны турецких береговых батарей открыть ответный огонь²⁰. Это означало вероятную эскалацию конфликта. На следующий день французская «Тан» поместила передовицу «Тревога в Смирне». Газета терялась в догадках о мотивах турецкого поведения: если Турция опасалась возобновления греческой агрессии, ей не следовало провоцировать ссору с другими державами. Автор статьи задавался вопросом, не было ли какого-либо «иностранный влияния на некоторых политических деятелей в Анкаре?». Конфликт на Востоке, в который была бы замешана Франция, стал бы «удачным облегчением для германского правительства» в условиях Рурского кризиса²¹.

«Момент истины» настал 8 февраля, когда британский крейсер «Кюросао» прошел в смирнскую бухту мимо турецких береговых укреплений. Турецкие пушки промолчали. Как стало позже известно, Февзи-паша отдал приказ открыть огонь по англичанам, но он был в последний момент отменен телеграммой Рауф-паши из Анкары²². В тот же день союзные верховные комиссары передали представителю анкарского правительства в Константинополе Аднан-бею (Адывару) совместную ноту, в которой указывалось на недопустимость турецких требований как с точки зрения сохранявшего силу Мудросского перемирия 1918 г., так и с точки зрения обычной дипломатической практики. Турок ставили в известность, что союзные корабли останутся в турецких портах до вступления в силу будущего договора²³. Примечательно, что вечером того же дня Аднан-бей от имени Рауф-паши заверил Н. Гендерсона, что требование вывода кораблей не было продиктовано какими-либо враждебными намерениями по отношению к Великобритании, и к тому же «конфиденциально» добавил, что «каким бы ни было турецкое отношение к Великобритании раньше, теперь Турция искренне стремится к дружбе с ней». Как подчеркнул Аднан, эта перемена произошла после перерыва в работе конференции, что, правда, не убедило Гендерсона. Аднан ссылаясь на растущее влияние в Анкаре «военной партии», которая не отступится от выдвинутого требования по кораблям, и предложил компромиссное решение — вывести из Смирны только один из двух британских крейсеров, на что Гендерсон ответил, что это будет возможно только в случае «примирительного» ответа Анкары на ноту союзников²⁴.

Итак, немедленная угроза военного столкновения не реализовалась, и конфликт перешел в стадию «войны нервов». Французские газеты писали, что вход в бухту Смирны был заминирован за исключением узкого прохода под самыми дулами береговой артиллерии²⁵, что турки в спешном порядке укрепляют береговые батареи и минируют акваторию в порту Исмида (на азиатском берегу Босфора). Турецкие власти отказали в заходе в смирнский порт французскому пакеботу «Пьер Лоти», который планировалось использовать для эвакуации из города французской колонии²⁶. Губернатор Смирны уведомил союзных адмиралов, что любая попытка тралить мины в порту будет рассматриваться как *casus belli*²⁷.

9 февраля Н. Гендерсон и британские командующие в Константинополе генерал Ч. Гаррингтон и адмирал О. Брок составили аналитическую записку о текущем положении дел с весьма тревожной оценкой ситуации. По их мнению, смирнский инцидент создал еще

¹⁹ Henderson to Curzon, 7.02.1923 // Ibid. P. 514–515.

²⁰ Ibid. Note 2. P. 515.

²¹ Le Temps. 9.II.1923.

²² Henderson to Curzon, 12.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 535.

²³ Henderson to Curzon, 8.02.1923 // Ibid. P. 517–518.

²⁴ Ibid. P. 518–519.

²⁵ Le Temps. 10.II.1923.

²⁶ Le Temps. 11.II.1923.

²⁷ Le Temps. 14.II.1923.

один эпизод, когда непродуманные действия турок могли в любой момент привести к возобновлению боевых действий. Через месяц погодные условия стали бы для этого благоприятны. Политика, оставлявшая инициативу в руках турок, была, по мнению авторов, крайне невыгодна Великобритании. «Экстремистская военная партия» приобретала все больше влияния в Анкаре. И хотя кемалистские лидеры, считавшиеся противниками войны, сохраняли контроль над ситуацией, это не предотвращало риска какого-нибудь непоправимого инцидента в Чанаке, Исмиде, Смирне или где-либо еще. В связи с этим Гендерсон, Гарингтон и Брок предлагали воспользоваться редкой ситуацией, когда Франция и Италия также были крайне раздражены позицией Турции, и вместе с ними предпринять «решительную акцию». Предлагалось сделать совместное заявление Исмет-паше, которого со дня на день ждали в Константинополе, что переговоры в Лозанне были отложены, чтобы дать ему возможность проконсультироваться со своим правительством, но эта отсрочка не могла продолжаться вечно. Предлагалось дать туркам срок (от десяти дней до двух недель), по истечении коего союзники будут считать конференцию окончательно провалившейся, а конвенцию, подписанную в Мудании, — утратившей силу. Иными словами, речь шла об ультиматуме с угрозой возобновления войны²⁸. Спустя три дня Кёрзон отклонил эту идею. По его мнению, ультиматум мог только «разворошить осиное гнездо» в Анкаре, в то время как ситуация требовала крайне осторожной политики²⁹. Впрочем, к этому моменту обстановка уже изменилась и пик «корабельного кризиса» был пройден.

10 февраля Аднан-бей от имени Рауф-паши сделал устное заявление трем верховным комиссарам в ответ на ноту союзников от 8 февраля: Турция не может допустить безусловного нахождения в своих портах, в особенности укрепленных, иностранных военных кораблей, но Анкара готова обсуждать этот вопрос на основе равноправия и что взаимная добрая воля была необходима для разрешения ситуации. При этом турецкая сторона отказывалась признать действенность Мудросского перемирия, так как законную силу имела только конвенция, подписанная в Мудании. По словам Гендерсона, общий тон турецкого заявления был «примирительным». Официального письменного ответа на ноту союзников Анкара направлять не хотела, предпочитая «оставить все как есть». Гендерсон, с одной стороны, постарался убедить Аднан-бея, что Турция должна «сойти» со своей непримиримой позиции (очевидно, по поводу мира), а с другой — посоветовал Кёрзону пойти на некоторые уступки туркам в «очень чувствительном» для них вопросе о Смирне. От этого Лондон мог бы больше выиграть, чем потерять, поскольку такой ход мог усилить позиции Исмет-паши в Анкаре, где в это время царило «огромное возбуждение»³⁰.

В этот момент единственным источником независимой информации из Анкары для стран Антанты был французский полковник Л. Мужен, который с июня 1922 г. выполнял роль неофициального эmissара Пуанкаре при правительстве Мустафы Кемала. Официальные представители союзных держав оставались в Константинополе. Мужен был убежденным сторонником франко-турецкого сближения. Ему удалось завязать множество дружеских контактов в Анкаре, он вошел в доверие к самому М. Кемалю и заботился главным образом о нейтрализации аналогичных усилий советского полпреда С.И. Аралова³¹. Однако по мере того, как переговоры в Лозанне затягивались, обстановка в Анкаре становилась все менее благоприятной как для Франции, так и для самого Мужена. В многочисленных телеграммах в Париж он настаивал, что избранная французами линия поведения в Лозанне грозила «разрушить огромный престиж, который Франция имела

²⁸ Henderson to Curzon, 9.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 523–524.

²⁹ Curzon to Henderson, 12.02.1923 // Ibid. P. 535–536.

³⁰ Henderson to Curzon, 10.02.1923 // Ibid. P. 532–533.

³¹ См. подробнее: *Аралов С.И.* Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М., 1960. С. 122; *Dumont P.* A l'aube du rapprochement franco-turc: le colonel Mougin, premier représentant de la France auprès du gouvernement d'Ankara (1922–1925) // *La Turquie et La France à l'époque d'Ataturk*. Paris, 1981. P. 79–84.

в Анатолии». С начала января 1923 г. нарастала антифранцузская кампания в местной прессе. К концу этого месяца Мужен уже писал о возможности открытого конфликта: «Ситуация критическая, и я думаю, что разрыв будет иметь очень серьезные последствия не только в Месопотамии, но и, как следствие, на нашей сирийской границе, в особенности к югу от Айнтаба в регионах Алеппо и Александретты»³². С момента прекращения работы конференции в Лозанне Мужен регулярно докладывал о состоянии «экзальтации» и «возбуждения», царившем в Анкаре и вообще в Анатолии³³. 10 февраля Рауф-паша предъявил Мужену требование добиться вывода союзных кораблей из Смирны в течение трех дней, иначе Турция не будет считать себя связанной условиями перемирий, подписанных в Мудросе и Мудании. Это требование, гораздо более резкое, чем сделанное в тот же день заявление в Константинополе, выглядело как ультиматум. Мужен на время уехал в Константинополь, где в разговорах с дипломатами и военными союзных стран приписывал «сдержанность» турок в ситуации с крейсером «Кюросао» только своему личному влиянию в Анкаре, но добавлял, что оно не безгранично, и убеждал как своих соотечественников, так и британцев пойти навстречу туркам и вывести из порта хотя бы часть кораблей³⁴. Так, обозначилось явное различие в отношении Анкары к Великобритании и Франции. Если с англичанами турки старались говорить в максимально примирительном тоне, то в общении с французами готовы были переходить к ультиматумам. Очевидно, это было вызвано результатами первой сессии Лозаннской конференции, вина за неудачу которой в Анкаре возлагалась на Францию.

Вызывающее поведение турок по отношению к Мужену привело к временному англо-французскому сближению. 11 февраля Пуанкаре направил инструкции послам в Лондоне и Риме. По его мнению, в данных обстоятельствах было чрезвычайно важно единство действий всех союзников. Французскую позицию он определил так: «Мы считаем невозможным принять официальное предписание, которое нас принуждает просто вывести корабли в течение трех дней. Но, как представляется, мы можем ответить, что хотели бы обсудить этот вопрос как можно скорее по дипломатическим каналам и достичь быстрой договоренности. Мне представляется, что было бы нецелесообразно и даже опасно пускаться в дискуссию о действительности конвенций о перемирии, поскольку греческие наступления»³⁵, несомненно, дали туркам предлог для того, чтобы поставить под сомнение Мудросское перемирие. Вместо того, чтобы ставить вопрос в юридической плоскости, лучше рассматривать его с точки зрения фактов и заявить, что корабли направлены в Смирну, чтобы защищать наших граждан и выполнять гуманитарную миссию после событий исключительной значимости»³⁶. В тот же день Пуанкаре встретился с британским послом в Париже лордом Р. Крю-Милнсом и лично изложил ему свою позицию примерно в тех же выражениях, что и в телеграммах в Лондон и Рим. Пуанкаре также добавил, что, «выражаясь дипломатически, вряд ли были серьезные основания держать флот в Смирне, если интересы подданных союзных держав будут обеспечены. Поэтому не было ничего неразумного в том, чтобы обсудить причины, которые заставляют нас держать их там». Иными словами, Пуанкаре готов был к компромиссу с турками по вопросу о кораблях при условии, что это не будет выглядеть как безусловное отступление. Крю возразил французскому премьер-министру, что «не может быть и речи, чтобы склоняться перед турецкой угрозой». Тогда Пуанкаре заметил, что войны нужно по возможности избежать, и сослался на мнение маршала Ф. Фоша, что было практически невозможно выбить турок из Мосула, если он станет главным объектом их атаки. Очевидно, Пуанкаре так хотел дать понять англичанам, что в случае войны им не удастся переложить ее бремя на Францию. Крю

³² Dumont P. Op. cit. P. 84.

³³ Henderson to Curzon, 7.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 514–516.

³⁴ Henderson to Curzon, 11.02.1923 // Ibid. P. 533.

³⁵ Имеются в виду действия Греции в ходе войны 1919–1922 гг.

³⁶ Poincaré á Saint-Aulaire et Barrère, 11.02.1923 // DDF: 1923. T. 1. P. 221.

ответил, что англичане тоже стремились сохранить мир, если это можно будет сделать без унижения, но существовал предел, дальше которого нельзя было уступать туркам³⁷.

Кёрзон, однако, одобрил предложение Пуанкаре отклонить турецкий ультиматум и в то же время попытаться урегулировать смирнский инцидент дипломатическим путем. Он, правда, не мог согласиться с отказом турок признавать действие Мудросского перемирия³⁸. 12 февраля в телеграмме Гендерсону он предложил свой проект ноты союзников турецкому правительству. Ее суть сводилась к тому, что союзные корабли находились возле Смирны именно в силу Мудросского перемирия, которое сохраняло силу, в то время как конвенция в Мудании решала лишь частные вопросы, связанные с окончанием военных действий между Турцией и Грецией. По этой причине союзники считали себя полностью вправе посылать корабли в Смирну для защиты жизни и собственности своих граждан. Однако, идя навстречу пожеланиям Анкары, они готовы были обсудить вопрос об ограничении числа этих кораблей до необходимого минимума, если Турция гарантирует безопасность оставшимся кораблям. Кёрзон не удержался от добавления, что скорейшее подписание Турцией предложенного ей в Лозанне договора поможет быстрому возвращению ситуации в турецких портах в нормальное русло³⁹. Кёрзон мог себе позволить говорить с позиции силы, поскольку в этой ситуации, в отличие от многих других случаев, поддержка союзников ему действительно была обеспечена, о чем свидетельствует разговор Пуанкаре с итальянским послом в Париже Р. Авеццаной 12 февраля. По словам Пуанкаре, «если окажется невозможным избежать возобновления состояния войны с Турцией, Италия и Франция должны действовать в согласии с Англией, чтобы гарантировать свои собственные интересы». Он был убежден, что «Англия, даже если окажется в одиночестве, сможет преодолеть турецкое сопротивление, закрепившись постоянно в Галлиполи и Анатолии и полностью изгнав из Турции Францию и Италию, если они бросят ее в самый опасный момент». Пуанкаре не сомневался, что в случае турецкой атаки на Францию она ответит соразмерно, однако надеялся на «более удовлетворительное решение» в результате переговоров с турками⁴⁰.

Итак, обе стороны кризиса в этот момент заняли принципиальную позицию, и в общем-то второстепенный вопрос о кораблях в Смирне стал для каждой из них делом престижа. Страны Антанты защищали свою репутацию великих держав, а Турция — образ сильной страны-победительницы, отстаивавшей свой суверенитет. Между тем Аднан-бей буквально «упрашивал» Гендерсона, чтобы союзники, особенно Великобритания, сделали все для «ликвидации затруднения в Смирне, которое осложняет всю ситуацию». Он изложил позицию Рауф-паши и самого М. Кемалю, который как раз в это время лично приехал в Смирну, с обоснованием неприемлемости для Анкары ссылок на Мудросское перемирие. Аднан предложил и компромиссный выход: оставить в бухте Смирны только по одному легкому крейсеру от каждой из трех держав. Он обещал похлопотать о повышении установленной «планки» тоннажа остающихся кораблей и особенно просил найти решение до открытия Экономического конгресса в Смирне, намеченного на 15 февраля⁴¹. Таким образом, возникла реальная основа для «разрядки» обстановки. 13 февраля Гендерсон писал, что «есть явные признаки того, что в Турции получает поддержку политика добрых отношений с Великобританией. Однако сторонники такой политики опасаются встретить резкий отказ со стороны Лондона». Гендерсон убеждал своего шефа пойти навстречу туркам в вопросе о кораблях⁴². По его мнению, «ультиматум», предъявленный полковнику Мужену

³⁷ Crewe to Curzon, 11.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 533–534.

³⁸ Curzon to Crewe, 12.02.1923 // Ibid. P. 536.

³⁹ Curzon to Henderson, 12.02.1923 // Ibid. P. 537–539.

⁴⁰ Avezzana a Mussolini, 13.02.1923 // DDI. Ser. 7. Vol. 1. P. 355.

⁴¹ Henderson to Curzon, 12.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 536–537.

⁴² Henderson to Curzon, 13.02.1923 // Ibid. P. 541.

10 февраля, был только блефом, рассчитанным на то, чтобы надавить на Францию. Официальное представление, сделанное в Константинополе в тот же день, не содержало никаких угроз, что подтвердилось при дальнейшем общении с турками. По мнению Гендерсона, «Анкара не откажется от этого требования (о выводе кораблей. — А.Ф.). В то же время они (турки. — А.Ф.) не собираются добиваться его выполнения, если не почувствуют себя в серьезной опасности, как это было 5 февраля. Они ищут способ выйти из этой ситуации без сильной потери лица». Гендерсон согласился с предложенным Кёрзоном проектом ноты с одной оговоркой — не настаивать на упоминании Мудросского перемирия⁴³.

Согласование окончательного текста совместной ноты заняло еще некоторое время. Задержка была вызвана замешательством итальянской стороны. Итальянский премьер-министр Б. Муссолини предлагал созвать в Константинополе конференцию из трех верховных комиссаров, военных экспертов и представителей Анкары по вопросу об иностранных кораблях в турецких портах. Кёрзон считал это предложение «несколько смехотворным», но не возражал против него, если верховные комиссары видели в нем необходимость. Гендерсон отклонил эту идею. Наконец, когда 15 февраля итальянский верховный комиссар получил соответствующие инструкции из Рима, совместная нота была, наконец, вручена туркам. От проекта Кёрзона она отличалась в одной существенной детали: вместо ссылки на Мудросское перемирие в ней содержалось утверждение, что текущая ситуация «была юридически и фактически перемирием», и, пока мир не будет восстановлен, союзники считали себя вправе держать корабли в Смирне, но готовы были обсуждать с турецкой стороной их количество⁴⁴.

Создается впечатление, что лично для Кёрзона события вокруг Смирны, грозившие нарушить хрупкий мир на Ближнем Востоке, сами по себе не имели определяющего значения. По поводу Турции его позиция была неизменной: турки сделали «большую ошибку», отказавшись подписать договор, но они могли исправить ее в любой момент⁴⁵. Между тем, по поступавшим сведениям, Исмет-паша, задержавшийся в Бухаресте, также оставался непреклонен — предложенный ему договор был неприемлем в первую очередь из-за экономических положений, т.е. тех, которые более всего интересовали Францию⁴⁶. Кёрзона на фоне Рурского кризиса гораздо больше, чем ситуация в Смирне, занимали личные взаимоотношения с лидером Франции, к которому он со времен Чанака испытывал большую неприязнь. Иначе трудно объяснить, почему он тратил много времени и сил на заочное выяснение отношений с Пуанкаре по поводу хоть и недавних, но уже прошедших событий. В эти тревожные дни между Лондоном и Парижем шел обмен длинными меморандумами и заявлениями по поводу того, кто виноват в срыве конференции в Лозанне (Кёрзон и Пуанкаре возлагали вину друг на друга). 11 февраля Крю даже мягко посоветовал своему шефу прекратить эту полемику, чтобы не осложнять лишний раз отношений с французами, которые из-за кризиса в Смирне вынуждены были действовать в одной команде с англичанами⁴⁷. Кёрзон не внял этому совету и уже 14 февраля направил в Париж еще одно длинное послание на ту же тему⁴⁸, после чего заочная полемика продолжилась.

Официального ответа турецкой стороны на ноту держав по вопросу о кораблях в Смирне так и не последовало. Очевидно, этот вопрос утратил актуальность после того, как 17 февраля Исмет-паша, наконец, прибыл морским путем из Румынии в Константинополь и имел возможность побеседовать с верховными комиссарами трех держав, а также с генералом Гарингтоном. Все они выражали надежду на скорое подписание мира, с чем Исмет-паша полностью соглашался⁴⁹. Разговор Исмет-паши с Гендерсоном проходил в самом вежливом

⁴³ Ibid. P. 542–543.

⁴⁴ Henderson to Curzon, 15.02.1923 // Ibid. P. 549.

⁴⁵ Curzon to Henderson, 9.02.1923 // Ibid. P. 522–523.

⁴⁶ Curzon to Henderson, 13.02.1923. Note 1 // Ibid. P. 541.

⁴⁷ Crewe to Curzon, 11.02.1923 // Ibid. P. 534–535.

⁴⁸ Curzon to Crewe, 14.02.1923 // Ibid. P. 544–548.

⁴⁹ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927. С. XLVIII (предисловие).

и дружественном тоне. Оба собеседника согласились считать, что конференция в Лозанне не прервана, а всего лишь отложена. Исет-паша после заверений в глубоком уважении к лорду Кёрзону посетовал Гендерсону, что в Лозанне британцы проявили меньше гибкости, чем французы и итальянцы, отказавшись вычленив из проекта договора еще не решенные вопросы. По-прежнему бескомпромиссный Кёрзон, получив отчет об этой беседе, лишь выразил надежду, что Исет-паша «употребит все свое влияние для дела мира». Исет-паша, в свою очередь, ответил, что для успеха дела мира достаточно лишь знать о «скромных пожеланиях турецкого народа, который, как и все народы, просит только о том, чтобы жить свободным и независимым»⁵⁰. Иными словами, каждый остался при своем мнении. Хотя никаких практических результатов беседы в Константинополе не имели, стало окончательно ясно, что Турция в данный момент была настроена на дипломатическое разрешение ситуации.

Из Константинополя Исет-паша отправился в Анкару, встретившись по дороге с М. Кемалем, возвращавшимся из Смирны. 21 февраля в Великом национальном собрании Турции (ВНСТ) после доклада Исет-паши в закрытом режиме начались жаркие дебаты по поводу конференции в Лозанне и проекта договора. В ходе дебатов Рауф-паша заявлял, что, хотя Турция и готова была возобновить военные действия, это следовало делать, только если союзники отвергнут турецкие контрпредложения. В обсуждение вынужден был вмешаться сам М. Кемаль, заявивший, что предложенная отсрочка решения вопроса о Мосуле на год никак не помешает Турции впоследствии захватить этот район силой, поскольку ей придется иметь дело с одной Великобританией, а не со всеми державами Антанты⁵¹.

Напряженная обстановка ощущалась в Константинополе и на берегах Проливов, где были сконцентрированы практически все союзные войска, оставшиеся в Турции. Генерал Гарингтон и адмирал Брок проявляли беспокойство по поводу состояния неопределенности, в котором долго пребывали вверенные им силы. Вероятный отказ Анкары от договора без предложения возобновить переговоры мог повлечь за собой внезапную турецкую атаку на британские позиции. Британский верховный комиссар Г. Рамбольд, вернувшийся к своим обязанностям (пока он участвовал в Лозаннской конференции, в Константинополе его замещал Н. Гендерсон), указывал, что на азиатском берегу Дарданелл турецкие солдаты вновь стали появляться рядом с британскими позициями⁵². Генералу Гарингтону не нравилась «необходимость отдавать врагу инициативу». 22 февраля он писал в Лондон: «Турки так близко ко мне, что я должен действовать, и никакие полумеры не пригодятся с моими слабыми силами. Есть все шансы, что я стану тем человеком, который будет вынужден начать конфликт для защиты своих собственных войск, сделав все возможное, чтобы избежать его». Ответ из военного министерства успокаивал: по имеющимся сведениям, турки не отвергали полностью проект договора, поэтому поводов для тревоги не было. В случае же внезапного начала конфликта Гарингтону приказали действовать в соответствии с полученными ранее инструкциями — покинуть Константинополь и сосредоточиться на обороне Галлиполи⁵³.

О дебатах в Анкаре политики и военные союзных держав могли только догадываться. Кёрзон решил заочно попытаться воздействовать на их ход. 24 февраля по его просьбе адмиралтейство отдало приказ вывести из порта Смирны большую часть британских кораблей, оставив лишь легкий крейсер «Калипсо». В телеграмме Рамбольду по этому поводу Кёрзон распорядился сообщить Аднан-бею, что эта акция, не меняя принципиальной позиции Лондона по вопросу о кораблях, была задумана «как знак примирения и дружелюбия» по отношению к Турции с целью помочь Исет-паше и «умеренной» партии в Анкаре.

⁵⁰ Henderson to Curzon, 17.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 552–553.

⁵¹ *Sonyel S.R.* Op. cit. P. 211–213.

⁵² Rumbold to Curzon, 22.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 562–563.

⁵³ Ibid. Note 1. P. 563–564.

Французов и итальянцев просто уведомили об этой британской акции без всякого предварительного согласования⁵⁴. В Париже такое одностороннее поведение англичан вызвало крайнее раздражение. По сообщению лорда Крю, французское правительство распорядилось вывести из Смирны «единственный» французский корабль⁵⁵, но на самом деле речь шла о выводе только тех кораблей, которые вошли в порт Смирны после 7 февраля⁵⁶. Аднан-бею информацию о принятом решении 24 февраля сообщил главный драгоман британского верховного комиссариата. Вместо легкого крейсера «Калипсо» в Смирну должен был прийти аналогичный корабль «Кэрисфорт», и турок уведомили, что им не следует беспокоиться из-за его прибытия. Как и хотел Кёрзон, драгоман представил британскую акцию как «жест доброй воли», который не менял британскую «принципиальную» позицию. Лондон все еще ждал официального ответа Анкары на совместную ноту союзников от 15 февраля⁵⁷, но теперь это уже не имело принципиального значения. Насколько нам известно, ответа так и не последовало. Так или иначе, из Анкары поступали обнадеживающие сведения: Национальное собрание склонялось к тому, чтобы одобрить действия Исмета в Лозанне, а это значило, что «экстремисты» не смогут взять верх и позиция Анкары по крайней мере не ужесточится⁵⁸. Таким образом, завершение «корабельного» кризиса было, в отличие от его начала, тихим и практически незаметным.

Опасность возобновления конфликта на Ближнем Востоке, однако, полностью не миновала. Вероятность столкновения Турции со всеми тремя союзниками по Антанте резко снизилась, но ее отношения с Францией оставались крайне напряженными. В турецкой прессе продолжалась яростная антифранцузская кампания, начавшаяся еще в конце января, вызванная неуступчивостью Франции в вопросе о финансовых и экономических статьях будущего договора. Францию обвиняли в желании поставить Турцию в положение экономического рабства. Многие атаки турецкой прессы были нацелены на французский мандат в Сирии. 25 февраля эта кампания стала поводом для объяснений между Аднан-беем и французским верховным комиссаром генералом Пелле. По словам генерала, такое отношение турецкой прессы к Франции было крайне неразумным в ситуации, когда мир еще не был подписан: «Турция нуждалась в нас, чтобы его заключить, и она будет еще более нуждаться в нас после его заключения». С другой стороны, как отмечал Пелле в телеграмме в Париж, «некоторые статьи в “Журналь де Деба” взбудоражили всю Турцию»⁵⁹.

Крайне сложной была обстановка на границе Турции с французской Сирией. Турецкие власти ввели запретительные таможенные тарифы, фактически парализовавшие торговлю главного города северной Сирии Алеппо⁶⁰. С территории Турции в Сирию постоянно проникали вооруженные банды («четы»), которые терроризировали местное арабское население, нападали на представителей мандатных властей, а затем скрывались на турецкой территории, избегая столкновений с французской армией⁶¹. Северо-западные районы Сирии жили в условиях, близких к партизанской войне. По мнению британских дипломатов, внимательно следивших за ситуацией, цель турок состояла в том, чтобы дискредитировать в глазах сирийцев французскую администрацию, показав ее неспособность обеспечить безопасность местных жителей. В то же время поступали многочисленные сведения о концентрации у границы турецких войск, значительно превышавших наличные французские силы. В Алеппо ходили слухи, что Франция готова уступить туркам северную Сирию так

⁵⁴ Curzon to Rumbold, 24.02.1923 // Ibid. P. 564–565.

⁵⁵ Ibid. Note 1. P. 565.

⁵⁶ Poincaré á Saint-Aulaire et Barrère, 11.02.1923. Note 3 // DDF: 1923. T. 1. P. 221.

⁵⁷ Rumbold to Curzon, 25.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 567.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Pellé á Poincaré, 25.02.1923 // DDF: 1923. T. 1. P. 279.

⁶⁰ Ibid. Note 1. P. 279.

⁶¹ W. Smart, vice-consul in Aleppo to Curzon, 1.02.1923 // Records of Syria, 1918–1973 (далее – RS). Vol. 3. London, 2005. P. 177; Smart to Curzon 2.02.1923 // Ibid. P. 179.

же, как двумя годами ранее она оставила им Киликию⁶². Советский полпред в Турции С.И. Аралов доносил в Москву: «Образовалось течение во главе с Февзи-пашой (начальником военного штаба) сторонников наступления на Сирию. Февзи-паша уверяет, что он через две недели будет в Дамаске. Исет-паша возглавляет мирное течение. Кемаль будто бы примыкает к военной группе». Тем не менее вероятность войны советский полпред оценивал как невысокую. По сведениям Аралова, отношение к Франции сильно зависело от политического расклада в самой Турции. В то время как «официальная печать» (особенно газета «Ени Гюн») «ежедневно ругает французское правительство и поносит его самыми нещадными словами», оппозиционные круги (газета «Тан») «очень прозрачно защищают французские интересы»⁶³, что Аралов приписывал близким контактам лидеров оппозиции с полковником Муженом.

Тем временем после двухнедельных дебатов турецкое Национальное собрание 6 марта 1923 г. отклонило предложенный союзниками проект мирного договора и выработало свои контрпредложения, врученные представителям трех держав 9 марта. Турки требовали полной отмены капитуляций, хотели оградить свою промышленность от иностранной конкуренции высокими таможенными и фискальными барьерами, а также лишить иностранцев права распоряжаться некоторыми монополиями. Османский долг турки соглашались выплачивать в бумажной, а не в золотой валюте. Экономические вопросы они предлагали выделить из мирного договора и обсудить на особых переговорах. Именно экономический вопрос стал причиной нового обострения франко-турецких отношений.

На Кэ д'Орсе полагали, что турецкие предложения содержали «серьезные изменения» условий, предложенных союзниками, от которых более всего страдают французские интересы. Поэтому было решено отказаться от «сепаратного» рассмотрения экономических вопросов, о чем Пелле уведомил турецких дипломатов. Такой поворот событий вызвал взрыв возмущения в Турции. Турецкая пресса с новой силой обрушилась на Францию как на главное препятствие к миру на Ближнем Востоке. В Анкаре полковнику Мужену пришлось выслушать от Рауф-паши возмущенные обвинения в адрес Франции в нарушении данного слова⁶⁴. Около 20 марта Мустафа Кемаль посетил город Адану недалеко от сирийской границы, где его встретила большая группа этнических турок из района Александретты (Искендеруна) на северо-западе Сирии. Беженцы, вышедшие в знак траура под черными флагами, красочно описывали невероятные жестокости, якобы творимые французами по отношению к туркам на этой территории. Мустафа Кемаль заявил им: «Турецкий очаг существовал тысячи лет в ваших местах. Он не останется порабощенным иностранцами»⁶⁵. Это было воспринято и слушателями, и прессой как призыв к началу борьбы за возвращение данного района Турции. После визита Кемаль в Адану события на границе приняли иной оборот. Турецкая пресса обвиняла Францию в притеснениях турецкого населения этого района с явными намеками на несправедливость существующей границы (проводились параллели с Эльзас-Лотарингией после войны 1870–1871 гг.)⁶⁶. Французских войск явно не хватало для противостояния вылазкам вооруженных банд, не говоря уже об отражении возможного турецкого нападения. Французы вынуждены были начать строительство оборонительных сооружений в районе Александретты и в то же время стали формировать из сирийских крестьян отряды самообороны для борьбы с произволом турецких и «протурецких» банд⁶⁷.

⁶² Rumbold to Curzon, 23.03.1923 // Ibid. P. 182; Smart to Curzon, 31.03.1923 // Ibid. P. 184.

⁶³ С.И. Аралов — Л.М. Карахану, 26.02.1923 // Турция: рождение национального государства. 1918–1923 (по документам РГАСПИ). М., 2007. С. 249.

⁶⁴ *Sonyel S.R.* Op. cit. P. 213.

⁶⁵ Аралов С.И. Указ. соч. С. 152.

⁶⁶ Rumbold to Curzon, 23.03.1923 // RS. Vol. 3. P. 182; Smart to Curzon 31.03.1923 // Ibid. P. 184.

⁶⁷ W. Smart, consul in Aleppo to Foreign Office, 1.02.1923 // Ibid. P. 177; Smart to Curzon, 2.02.1923 // Ibid. P. 179.

С 21 по 27 марта в Лондоне происходило совещание глав делегаций союзников для обсуждения турецких предложений. Их подробный разбор был поручен совместному комитету экспертов, в котором французская делегация оказалась самой «туркофобской». В отчетах экспертов в принципиально важных для Франции вопросах рекомендовалось настаивать на самых жестких позициях. Тогда же французский представитель на Лозаннской конференции М. Бомпар представил план разделения экономических и финансовых вопросов. Проблемы Османского долга предстояло решать в Лозанне главам официальных делегаций. В то же время, поскольку под «экономическими» проблемами понималась прежде всего судьба довоенных концессий, их предлагалось решить на прямых переговорах делегации главных концессионеров с турецким правительством одновременно с конференцией в Лозанне⁶⁸. Итоговый документ этих переговоров должен был быть подписан вместе с мирным договором.

Во время перерыва в работе Лозаннской конференции Турция приняла еще один принципиально важный шаг для того, чтобы сделать союзников (главным образом, французов) более сговорчивыми: турки установили контакт с главным конкурентом европейских держав. К началу апреля были закончены переговоры между правительством ВНСТ и американско-канадской группой Честера — Кеннеди на предоставление концессии на строительство сети железных дорог, портов, телеграфных линий в Восточной Анатолии и Северном Ираке. 9 апреля ВНСТ одобрило договор о концессии. Это соглашение прямо било по интересам Великобритании, так как в нем речь шла о Мосульском вилайете. Французы тоже протестовали против него, так как оно нарушало франко-турецкие договоренности 1914 г., когда Турция в обмен на очередной заем обещала предоставить аналогичные концессии французской группе. Со стороны турок это был чисто дипломатический маневр — в 1924 г. концессия была аннулирована⁶⁹.

23 апреля Лозаннская конференция возобновила работу. Турцию на ней по-прежнему представлял Исмет-паша, а державы Антанты — верховные комиссары в Константинополе: Рамбольд, Пелле и Монтанья. К этому времени англо-французские противоречия вокруг Рура зашли столь далеко, что, как тогда говорили, *entente cordiale* («сердечное согласие») на практике превратилось в *rupture cordiale* («сердечный разрыв»). В Рурском конфликте Лондон формально занимал нейтральную позицию, а в британском руководстве не было единства относительно дальнейшей политической линии в этом вопросе⁷⁰. Тем не менее было очевидно, что от позиции Лондона в значительной мере зависел исход Рурского кризиса и, следовательно, политические перспективы самого Пуанкаре. В этой ситуации Париж просто не мог себе позволить явных разногласий с англичанами еще и на Востоке, где кемалистская Турция превратилась из предполагаемого союзника (каким она была с конца 1921 г.) в жесткого оппонента.

Работа конференции продвигалась медленно. 26 мая Турция отказалась от требования репараций с Греции в обмен на уступку Карагача — предместья Адрианополя на правом берегу реки Марицы. Это позволило Греции и Турции к середине июня выработать прелиминарные условия мира между собой. Теперь Греция могла приступить к демобилизации армии, сконцентрированной вдоль реки Марицы, лишив таким образом страны Антанты одного из главных аргументов в споре с Турцией. Великие державы должны были продолжать переговоры, практически не имея реальных рычагов давления на турецкую сторону. Итальянский делегат на конференции Дж. Монтанья в связи с этим писал в Рим: «У меня возникает сомнение, что греческий шаг скрывает английский маневр, чтобы заставить Францию быть более сговорчивой в вопросах, которые все еще дебатировались и которые являются ее преимущественным интересом»⁷¹.

⁶⁸ Meetings in London 21–27.03.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 607–661.

⁶⁹ Eversley L., *Chiröl V. The Turkish Empire from 1288 to 1914*. London, 1924. P. 451.

⁷⁰ См. подробнее: Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 319–329.

⁷¹ Montagna a Mussolini, 14.06.1923 // DDI. Ser. 7. Vol. 2. P. 55–56.

Как и следовало ожидать, наибольшие разногласия возникли между Турцией и Францией. Отстаивая экономические интересы Франции, Пелле фактически приходилось иметь дело с Исмет-пашой один на один. Великобритания взяла на себя привычную посредническую роль, но Рамбольд в соответствии с инструкциями из Лондона убеждал Пелле идти на все новые уступки туркам⁷². Франция оказалась в сложном положении. Многократно провозгласив, что не желает возобновления войны, она вынуждена была искать мира любой ценой. Продолжать конференцию бесконечно она не могла ввиду напряженной ситуации в Европе. Показательно, что, когда интересы союзников совпадали, Исмет-паша вынужден был уступать. Так, например, под давлением англичан он согласился сохранить на пять лет таможенный тариф 1916 г.⁷³ Главной причиной франко-турецких разногласий стал спор о форме выплаты процентов по долгам (в золоте или в бумажных франках). Вопрос так и не был решен, и его согласились передать для непосредственных переговоров между Турцией и держателями облигаций. Турки также добились полной отмены капитуляций. К моменту последнего пленарного заседания многие экономические вопросы оставались открытыми, но было принято решение подписать договор, а все спорные вопросы отложить для дальнейших переговоров. Договор был подписан 24 июля 1923 г., а через месяц ВНСТ его ратифицировало. В начале октября все иностранные войска покинули Турцию.

В период подготовки и работы второй сессии Лозаннской конференции Турция несколько не отказалась и от «жестких» форм давления на оппонентов. Вплоть до подписания и ратификации договора силовой вариант развития событий не терял актуальности. В меморандуме британского генерального штаба, составленном в середине апреля 1923 г., говорилось, что «ситуация с Турцией не урегулирована и есть возможность, хотя и маловероятная, что, если русское влияние возобладает в Анкаре, мы можем оказаться в ситуации, в которой войны с Турцией вряд ли удастся избежать без потери престижа на Востоке». Наличных британских сил в регионе было явно недостаточно для такого случая, а на помощь французов и итальянцев рассчитывать было нельзя. В случае возникновения такого конфликта британские военные предлагали уже знакомый нам план — оставить Константинополь и сосредоточиться на обороне Дарданелл⁷⁴. Отметим, что приписывание всех возможных неприятностей в Азии «русскому» или «большевистскому» влиянию стало к этому времени уже своеобразной английской традицией. О том, что эти страхи были явно не оправданы, свидетельствуют донесения советских представителей в Анкаре в Москву. Советско-турецкие отношения в первой половине 1923 г. находились, мягко говоря, в стадии сильного охлаждения, а советское влияние на турецкую политику оказалось близким к нулю. Причины были как в явных ошибках турецкой дипломатии, так и в большей заинтересованности Турции в сотрудничестве с развитыми странами Запада (в первую очередь с той же Великобританией и с США) при послевоенном восстановлении экономики страны⁷⁵.

Гораздо больше поводов для беспокойства в это время было у Франции. Дипломатические баталии в Лозанне сопровождались ростом напряженности на турецко-сирийской границе, где отмечалась концентрация турецких войск. В середине апреля значительная их группировка (до одной дивизии) сконцентрировалась на небольшом участке границы напротив Александретты. Французы в ответ помимо строительства оборонительных сооружений

⁷² См., например: Rumbold to Curzon, 16.06.1923 // DBFP. Ser. 1. Vol. XVIII. P. 871–874.

⁷³ *Thobie J.* Une dynamique de transition: Les relations économiques franco-turques dans les années 20 // *La Turquie et la France à l'époque d'Atatürk*. Paris, 1981. P. 112.

⁷⁴ Our military strength in relation to our military commitments. Memoir by the General Staff, April 1923 // The National Archives. CAB 24/159/100.

⁷⁵ С.И. Аралов — Л.М. Карахану, 4.02.1923 // Турция: рождение национального государства... С. 241–246; Я.З. Суриц — Л.М. Карахану, 19.06.1923 // Там же. С. 252–258.

направили в Александреттскую гавань два крейсера⁷⁶. Командующий французскими войсками в этом районе генерал Билотт считал турецкие маневры не более чем «блефом»⁷⁷, но энергично принимал необходимые меры для обороны границы. В начале мая полковник Мужен сообщал из Анкары, что турки направили в Киликию новое подкрепление, а через месяц он писал уже о подготовке частичной мобилизации в Турции⁷⁸.

Согласно отчету французской разведки, попавшему в руки англичан, к концу апреля численность турецких войск в Киликии достигла 11–12 тыс. человек. Кроме того, между турецким городом Килис и Александреттским заливом концентрировались многочисленные «иррегулярные» отряды, которые организовывались и обучались офицерами турецкого генштаба. Эти силы могли быть немедленно задействованы против Франции в случае нового срыва переговоров. Целью этих действий было «запутать» французских дипломатов в Лозанне. На случай срыва конференции Анкара заранее готовила пропагандистскую публикацию документов, возлагавшую вину за него на Францию. По мнению авторов отчета, Турция на южном направлении применяла двойную тактику, сочетая блеф с реальными военными приготовлениями. Так, явным блефом была «утечка» информации о якобы стянутых к границе 35 тыс. солдат (настоящая численность, как уже говорилось, была в три раза меньше). С другой стороны, концентрация даже 12 тыс. солдат была вполне реальным проявлением враждебности, так же, как и антифранцузская кампания внутри страны («ксенофобские чувства населения по отношению к нам были доведены до пароксизма»), и явное неуважение, которое турки демонстрировали полковнику Мужену. Проявлениями антифранцузской политики можно было считать закрытие отделений французского Сирийского банка в Киликии и предоставление американцам «Концессии Честера», которая, как считали французы, была направлена против их интересов. Турки, правда, по крайней мере дважды приостанавливали военные приготовления (первый раз — во второй половине марта и второй раз — после 24 апреля), но, как считала французская разведка, только с целью «усыпить бдительность» Франции. В целом политика Анкары по отношению к Франции, и особенно к французскому мандату в Сирии, оставалась крайне враждебной⁷⁹.

Ситуация представлялась Парижу настолько серьезной, что 2 мая французский посол в Лондоне граф Ш. Сент-Олер по поручению Пуанкаре предложил Кёрзону выступить с совместным протестом против действий турок в отношении Сирии, которые, по его мнению, угрожали интересам всей Антанты. Пуанкаре предлагал, чтобы Великобритания по примеру Франции усилила военное присутствие вблизи турецких границ. Кёрзон ответил резким отказом, напомнив послу о поведении Франции во время Чанаковского кризиса восемь месяцами ранее, когда ситуация была прямо противоположной. По мнению Кёрзона, наилучшим местом для проявления солидарности Антанты была Лозанна⁸⁰. Трудно было яснее указать Франции на ее фактически подчиненное место в англо-французском тандеме. В результате в начале мая МИД Франции в одиночку предпринял официальный демарш в Константинополе по поводу враждебных действий Турции на южной границе. В случае их продолжения Франция угрожала покинуть конференцию в Лозанне. Аналогичное заявление, но в более мягких выражениях, сделал в Лозанне Пелле. На турок это «произвело большое впечатление»⁸¹. 3 мая начали поступать сведения о начале демобилизации турецких частей, стянутых к сирийской границе⁸², но этот спад напряженности был коротким. Вылазки турецких «чет» и столкновения с французскими войсками

⁷⁶ J. Catoni, vice-consul in Aleppo to W. Smart, 19.04.1923 // RS. Vol. 3. P. 189.

⁷⁷ Smart to Curzon, 21.04.1923 // Ibid. P. 190.

⁷⁸ Dumont P. Op. cit. P. 86.

⁷⁹ Service des Renseignements. Bulletin périodique № 64 (du 6 au 30 avril 1923). Beyrouth, 6.05.1923 // RS. Vol. 3. P. 204–211.

⁸⁰ Curzon to Crewe, 2.05.1923 // Ibid. P. 198.

⁸¹ Rumbold to Curzon, 3.05.1923 // Ibid. P. 201.

⁸² Smart to Curzon, 3.05.1923 // Ibid. P. 203.

происходили 21 мая южнее Идлиба⁸³, в середине июня в районе Алеппо (погиб французский лейтенант) и к северо-западу от Александретты⁸⁴. В июне усилилась активность турецких войск у границы. К городам Адана и Мараш стягивались значительные подкрепления⁸⁵. В конце июня турецкие войска заняли пограничные посты к югу от железной дороги Нисбин-Джезире на территории, которую французы считали сирийской (граница еще не была делимитирована)⁸⁶. Можно предположить, что все это было связано с по-прежнему неуступчивой позицией французской делегации в Лозанне.

Подписание договора 24 июля не принесло немедленного успокоения. В конце июля у сирийского пограничного пункта Духанур в районе Нисбина произошло масштабное боевое столкновение. По французским сведениям, с турецкой стороны в нападении на этот пункт принимало участие до 3,5 тыс. человек под командованием офицера разведки. Французы за три дня (28–30 июля) потеряли 16 человек убитыми. Инцидент послужил причиной дипломатического демарша со стороны Франции в Анкаре⁸⁷. Не прекращалась и деятельность «чет» на границе. В начале августа к востоку от города Хассеке у стыка границ Турции, Сирии и Ирака произошел настоящий бой между отрядом французских колониальных войск и большой группой вооруженных бедуинов и курдов, которых французы считали протурецки настроенными. Французская колонна была практически полностью уничтожена. Погибли три французских офицера и более 60 тунисцев и сирийцев на французской службе. В ответ французы подвергли бомбардировке с воздуха несколько сирийских деревень поблизости от места нападения⁸⁸.

Осенью 1923 г. на турецко-сирийской границе на некоторое время установилось затишье, но в апреле 1924 г. начался новый всплеск активности протурецких «чет», хоть и в меньших масштабах. Это, вероятно, можно объяснить затягиванием ратификации Лозаннского договора Францией. Предлогом был спор о статусе французских школ в Турции. Франция номинально оставалась в состоянии войны с Турцией, и та, очевидно, решила дать французам это почувствовать. Ситуация, однако, быстро разрядилась после того, как новое правительство «Картеля левых» во главе с Э. Эррио, пришедшее к власти в мае 1924 г., поспешило наладить отношения с Анкарой и уже в августе ратифицировало Лозаннский договор.

* * *

Рассмотренные события позволяют сделать некоторые выводы о процессе становления нового международного порядка после Первой мировой войны. В 1923 г. он подходил к завершению. Рурский кризис был, пожалуй, последним случаем использования в международной политике грубого силового давления перед наступлением «эры пацифизма» в середине 1920-х годов. «Военную тревогу», связанную с внезапным прекращением работы Лозаннской конференции, можно отнести к явлениям того же порядка, хотя, разумеется, и значительно меньшего масштаба. Как и в любом международно-политическом кризисе, здесь мы видим конфликт, вызванный несовместимостью интересов участников. Страны Антанты хотели навязать Турции договор, сохранявший многие следы ее прежнего полуколониального положения, а Турция не хотела его подписывать. Провал попыток дипломатического разрешения этого спора, ставший очевидным к 4 февраля, вызвал эскалацию противостояния между Турцией и ее недавними победителями. Его

⁸³ Smart to Curzon, 31.05.1923 // Ibid. P. 215.

⁸⁴ Smart to Curzon, 18.06.1923 // Ibid. P. 221.

⁸⁵ H. Satow (Beirut) to Curzon, 15.06.1923 // Ibid. P. 224

⁸⁶ L. Oliphant (Foreign Office) to the Under-Secretary of State, Colonial Office, 28.06.1923 // Ibid. P. 223.

⁸⁷ Foreign Office to Colonial Office, 27.08.1923 // Ibid. P. 230.

⁸⁸ Vaughan-Russell (Aleppo) to Curzon, 10.08.1923 // Ibid. P. 226; Smart to Curzon, 17.08.1923 // Ibid. P. 227; Palmer (Damascus) to Curzon, 17.08.1923 // Ibid. P. 228.

можно четко разделить на две фазы — «корабельный» кризис в Смирне и обострение ситуации на турецко-сирийской границе.

Сразу после прекращения работы Лозаннской конференции турецкий ультиматум о выводе кораблей из Смирны спровоцировал кризис, продолжавшийся около двух недель (5–17 февраля 1923 г.). Как часто бывает в таких ситуациях, ни одна из сторон не хотела возобновления войны, но и не желала «терять лицо», пойдя на слишком явные уступки. Отсюда столь принципиальное значение, которое придавалось в общем-то второстепенному вопросу о кораблях. На протяжении всего кризиса у союзников был постоянный «канал связи» с Анкарой в лице представителя Кемаля в Константинополе Аднанбея. Это, однако, не означает, что кризис не мог перерасти в войну. К таким последствиям мог привести любой случайный инцидент, если бы у кого-то из военных «сдали нервы». Однако особенность этого кризиса, в отличие, например, от Чанакского, была все же в его большей «управляемости». Причиной его возникновения стали намеренные действия Кёрзона, приведшие к срыву Лозаннской конференции. Целью британского министра иностранных дел было вынудить явно ненадежных «союзников» по Антанте — французов и итальянцев — действовать «в одной упряжке» с Лондоном, что было особенно важно из-за разворачивавшегося Рурского кризиса. В ходе «корабельного кризиса» данная цель была достигнута. Пуанкаре, вначале гордо заявлявший, что Франция не будет воевать за британские интересы, вскоре вынужден был признать, что французские интересы на Востоке оказались неотделимы от британских. Более того, именно Франция стала теперь главным противником новой Турции, и именно на нее в случае открытого конфликта легла бы ответственность за его последствия (в первую очередь на севере Сирии). Сам же кризис в Смирне разрешился к общему удовлетворению: Кёрзон распорядился вывести корабли (кроме одного), только выждав довольно большую паузу, когда это выглядело уже не как уступка под давлением, а как жест доброй воли. Каждая сторона могла считать себя «победителем».

Второй фазой Ближневосточного кризиса 1923 г. можно назвать резкое обострение ситуации на турецко-сирийской границе, начиная с марта 1923 г. Столкнувшись с твердой позицией Франции по вопросу экономических статей договора, Анкара пошла на преднамеренную эскалацию конфликта с помощью действий нерегулярных «чет» на севере Сирии и концентрации войск у границы. Пересмотр границы, очевидно, не входил тогда в планы Турции. Ее цель, по-видимому, состояла в другом: на фоне Рурского кризиса поставить Париж перед перспективой затяжного и дорогостоящего конфликта на Востоке без всякой внешней поддержки, поскольку англичане так же не собирались воевать за французские интересы, как и французы за британские. Во время второй сессии конференции в Лозанне Париж не имел на руках никаких серьезных «козырей». Итогом стал Лозаннский договор, который и Великобритания, и Турция могли по разным причинам рассматривать как свой успех, а для Франции он стал явным дипломатическим поражением. В целом, кризис показал неспособность Франции отстаивать свои интересы на Ближнем Востоке «в одиночку» и ее вынужденную зависимость от политики Великобритании, которая и после победы кемалистов сохраняла здесь значительное влияние. Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные нами события сыграли на Ближнем Востоке роль, аналогичную роли Рурского кризиса в Европе.

Библиография

- Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М., 1960.
Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М., 2016.
Кемаль Мустафа [Ататюрк]. Путь новой Турции. 1919–1927. Т. 4. Победа новой Турции 1921–1927. М., 1934.
Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989.

Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021.

Миллер А.Ф. Турция: актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983.

Поцхверия Б.М. Турция между двумя мировыми войнами: очерки внешней политики. М., 1992.

Сергеев Е.Ю. Джордж Натаниэль Кёрзон — последний рыцарь Британской империи. М., 2015.

Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М., 2010.

Хормач И.А. Советская Россия на Лозаннской конференции по урегулированию положения на Ближнем Востоке (1922–1923 годы) // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 74–92.

Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918–1923 гг. М., 1966.

Bush B.C. Mudros to Lausanne. Britain's Frontier in West Asia 1918–1923. Albany; New York, 1976.

Cumming H.H. Franco-British Rivalry in the Post War Near East. The decline of French influence. London; New York; Toronto, 1938.

Dockrill M.L., Goold J.D. Peace without Promise. Britain and the Peace Conferences. 1919–1923. London, 1981.

Dumont P. A l'aube du rapprochement franco-turc: le colonel Mougin, premier représentant de la France auprès du gouvernement d'Ankara (1922–1925) // La Turquie et La France à l'époque d'Atatürk. Paris, 1981. P. 79–84.

Eversley L., Chirol V. The Turkish Empire from 1288 to 1914. London, 1924.

Miquel P. Poincaré. Paris, 1984.

Nicolson H. Curzon: the Last Phase, 1919–1925. A Study in Post-War Diplomacy. London, 1937.

Sonyel S.R. Turkish Diplomacy, 1918–1923. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. London; Beverly Hills (CA), 1975.

Thobie J. Une dynamique de transition: Les relations économiques franco-turques dans les années 20 // La Turquie et la France à l'époque d'Atatürk. Paris, 1981. P. 109–160.

Walder D. The Chanak Affair. London, 1969.

References

Aralov S.I. Vospominaniya sovetskogo diplomata. 1922–1923 [Memoirs of a Soviet diplomat. 1922–1923]. Moskva, 1960. (In Russ.)

Fomin A.M. Voyna s prodolzheniyem. Velikobritaniya i Frantsiya v bor'be za "Osmanskoye nasledstvo", 1918–1923 [The War to be continued. Great Britain and France in the struggle for the "Ottoman inheritance", 1918–1923]. M., 2010. (In Russ.)

Kapitonova N.K., Romanova Ye.V. Istoriya vneshney politiki Velikobritanii [History of British Foreign Policy]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Kemal' Mustafa. Put' novoy Turtsii. 1919–1927. T. 4 [The path of a new Turkey. 1919–1927. Vol. 4]. Moskva, 1934. (In Russ.)

Khormach I.A. Sovetskaya Rossiya na Lozanskoj konferentsii po uregulirovaniyu polozheniya na Blizhnem Vostoke (1922–1923 gody) [Soviet Russia at the Lausanne Conference on the Settlement of the Situation in the Middle East (1922–1923)] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 2. S. 74–92. (In Russ.)

Lazarev M.S. Imperializm i kurdskiy vopros (1917–1923) [Imperialism and the Kurdish Question (1917–1923)]. Moskva, 1989. (In Russ.)

Magadeyev I.E. V teni Pervoy mirovoy voyny: dilemmy yevropeyskoy bezopasnosti v 1920-ye gody [In the shadow of the First World War. Dilemmas of European Security in the 1920s]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Miller A.F. Turtsiya. Aktual'nyye problemy novoy i noveyshey istorii [Turkey. Actual problems of modern and recent history]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Potskhveriya B.M. Turtsiya mezhdru dvumya mirovymi voynami. Ocherki vneshney politiki [Turkey between the two world wars. Foreign policy essays]. Moskva, 1992. (In Russ.)

Sergeyev E.Yu. Dzhordzh Nataniel' Kerzon — posledniy rytsar' Britanskoy imperii [George Nathaniel Curzon. The last knight of the British Empire]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Shamsutdinov A.M. Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba v Turtsii. 1918–1923 [National liberation struggle in Turkey. 1918–1923]. Moskva, 1966. (In Russ.)

Bush B.C. Mudros to Lausanne. Britain's Frontier in West Asia 1918–1923. Albany; New York, 1976.

Cumming H.H. Franco-British Rivalry in the Post War Near East. The decline of French influence. London, 1938.

Dockrill M.L., Goold J.D. Peace without Promise. Britain and the Peace Conferences. 1919–1923. London, 1981.

Dumont P. A l'aube du rapprochement franco-turc: le colonel Mougin, premier représentant de la France auprès du gouvernement d'Ankara (1922–1925) // *La Turquie et La France à l'époque d'Ataturk*. Paris, 1981. P. 79–84.

Eversley L., Chirol V. The Turkish Empire from 1288 to 1914. London, 1924.

Miquel Pierre. Poincaré. Paris, 1984.

Nicolson H. Curzon: the Last Phase, 1919–1925. A Study in Post-War Diplomacy. London, 1937.

Sonyel S.R. Turkish Diplomacy, 1918–1923: Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. London; Beverly Hills (CA), 1975.

Thobie J. Une dynamique de transition: Les relations économiques franco-turques dans les années 20 // *La Turquie et la France à l'époque d'Atatürk*. Paris, 1981. P. 109–160.

Walder D. The Chanak Affair. London, 1969.